

Андрей Резаев, Наталья Трегубова

НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья рассматривает вопрос о том, какими теоретическими ресурсами обладает современная социология для анализа производства и воспроизводства неравенства и социального исключения в повседневном общении. Обосновывается актуальность проблем исследования неравенства в повседневном общении для теории и практики современной российской социальной политики. На примерах теорий Э. Ролз, Р. Коллинза и Дж. Тернера раскрывается потенциал микросоциологии в концептуализации ситуативного и эмоционального измерений неравенства. Понятия порядка взаимодействия, ритуала взаимодействия, эмоциональной энергии, эмоциональной стратификации, ситуационной стратификации рассматриваются применительно к проблемам неравенства и социального исключения в современном мире. Формулируется тезис о нелинейной связи между исключением в повседневном общении и макроструктурным / макрокультурным неравенством. На уровне теории социальной политики эти концептуальные положения соотносятся с вопросами солидарности, социальной сплоченности и «публичной немоты»; на уровне конкретных проблем – с динамикой социальных движений и консолидации сообществ, с эмоциональным измерением повседневности непривилегированных групп, а также с провалами во взаимодействии социальных служб и тех, кому они призваны оказывать помощь.

Ключевые слова: общение, неравенство, социальное исключение, микросоциология, социология эмоций, социология повседневности, социальная политика.

¹ Андрей Владимирович Резаев – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: a.rezaev@spbu.ru

² Наталья Дамировна Трегубова – сотрудник международной исследовательской лаборатории СПбГУ «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: natalya.tr@mail.ru

«Неравенство» характеризует неодинаковое распределение ресурсов (финансовых, культурных, эмоциональных) между индивидами и группами, «социальное исключение» фиксирует наличие специфических барьеров к этим ресурсам и недостаток социальной интеграции тех, кто сталкивается с этими барьерами (Ярошенко 2005; Антонова 2013). При этом неравенство зачастую порождает социальное исключение отдельных групп, что, в свою очередь, является одним из механизмов воспроизводства неравенства. Как неравенство и социальное исключение проявляется в каждодневной жизни людей? Какие последствия будут иметь абстрактные управленческие решения для конкретных повседневных миров? И каким образом возможна мобилизация обделенных и исключаемых для реализации своих интересов и решения общих проблем? Для ответа на эти вопросы в статье привлекаются теоретические ресурсы современной социологии.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть эвристические возможности социологии в осмыслении проблем неравенства и социального исключения на основе анализа повседневного общения. Мы начинаем с обоснования актуальности проблем исследования неравенства в повседневном общении для теории и практики современной российской социальной политики. Затем переходим к вопросу о необходимости и возможностях социологического анализа неравенства «на пересечении» категорий, что приводит к проблеме исследования неравенства и социального исключения в повседневном общении. Далее следует обзор современных микросоциологических теорий, предоставляющих концептуальный аппарат для аналитики повседневного неравенства и исключения. В заключение мы обсуждаем значение выделенных концептуальных положений для эмпирических исследований социальной политики.

Неравенство в повседневном общении как проблема социальной политики

В первом приближении социальную политику можно определить как «пространство социальных отношений между государством, рынком и гражданами – отношений, оформленных в виде институтов и практик» (Романов, Ярская-Смирнова 2012: 5), при этом мы солидаризируемся с позицией И. А. Григорьевой относительно цели социальной политики – это «регулирование и согласование интересов для устойчивого и сбалансированного развития общества, достижение социального мира или общественного согласия... [а не] удовлетворение интересов любой, самой почтенной или самой перспективной социально-возрастной группы» (Григорьева 2003: 42). При такой постановке проблемы мы сталкиваемся с вопросами. Каковы практики повседневного общения, в которых актуализируются отношения между государством, рынком и гражданами, между различными социальными группами? Способствуют ли они согласованию интересов или, наоборот, препятствуют?

Существуют ли «площадки» для такого общения, имеется ли общий язык или посредники («переводчики»)? Каково взаимное восприятие разных групп и как оно трансформируется / воспроизводится в ходе каждодневных взаимодействий? Это вопросы самого общего уровня, однако, представляется, что они актуальны в условиях современной России. Об этом свидетельствует стремление отечественных ученых, с одной стороны, осмыслить теоретические основания и практические перспективы солидарности и социальной сплоченности (Гофман 2012; Ярская-Смирнова, Ярская 2014), с другой стороны, проанализировать истоки и механизмы российской «публичной немоты» (Хархордин 2015). Также следует отметить обсуждение проблем субъект-субъектного взаимодействия как основания для реализации социальной политики в практиках социальной работы (Саралиева 2013; Григорьева 2012).

В поле российской социальной политики эти вопросы актуализируются на уровне анализа конкретных проблем, связанных с микросоциологической проблематикой. Первая группа проблем касается процессов общения и разобщения, успехов и провалов в создании социальных групп и, на их основе, социальных движений (Журавлев и др. 2014; Клеман, Мирясова 2008; Резаев и др. 2014). С ней сближается анализ онлайн-практик и онлайн-сообществ как потенциального ресурса социального включения и образования групп (Кузьмина 2011; Григорьева, Биккулов 2013). Еще одна группа проблем – анализ эмоционального измерения стыда, вины и отчуждения непривилегированных групп (Симонова 2013; Симонова 2014; Уокер 2012). Наконец, следует отметить описание провалов во взаимодействии социальных служб с теми, кому они призваны помогать, вызываемых радикально отличными типами социальности, взаимной изоляцией и самоизоляцией социальных работников и геттоизированных сообществ (Навратил 2010).

Таким образом, актуальность исследования неравенства на уровне повседневных взаимодействий для современной российской социальной политики представляется очевидной. Какими концептуальными ресурсами для решения этой задачи обладает современная социология?

Исследование неравенства в повседневном общении

Класс, раса, этничность, гендер – вот наиболее общий набор категорий, в которых ученые сегодня осмысляют неравенство. К ним можно добавить гражданство, религиозную принадлежность, образование, профессию, возраст и другие различия. В современной исследовательской литературе стал привычным тезис, что измерения неравенства следует соотносить друг с другом, исследовать их «взаимопересечения», *intersectionalities* (Ренн 2011; Шпаковская 2013; Рочева 2014). Но какова «точка сборки» этих измерений? Как соотносить их взаимное влияние и действие?

Здесь возможны как минимум три подхода. С одной стороны, пересечения этих категорий можно фиксировать и анализировать в структурных

терминах: выделять группы, их социально-экономические характеристики, место и функции в социальной структуре, системах производства, распределения и потребления; с другой стороны – исследовать и интерпретировать специфические смыслы, классификации, стереотипы, символы и идентичности, возникающие на пересечении этничности и класса, расы и гендера и других измерений неравенства. Упрощая, следует говорить о «структурном» и «культурном» подходе; более того, их можно сочетать и соотносить друг с другом (Ярошенко 2006).

Однако существует третий вариант, не сводимый к первым двум. Это анализ того, как «взаимопересечения» класса, расы и гендера актуализируются в разных контекстах повседневной жизни исключаемых: на улице, на работе, в магазине, в школе и так далее. Знание «структурных» и «культурных» характеристик неравенства здесь будет не результатом, но лишь исходным пунктом для исследования повседневных миров исключаемых и тех, с кем они вынужденно и добровольно взаимодействуют (Smith 1987; Smith 2005).

Выделенные подходы к исследованию неравенства соотносятся с более общим парадигмальным делением социологии, которое обсуждает Петр Штомпка (Sztompka 2008). Он предложил рассматривать социологию повседневности в качестве новой парадигмы, которую он также называет «социологией социального существования» (*social existence*) человека с другими людьми. П. Штомпка предлагает считать социологию повседневности «третьей социологией», так как ей предшествовали две парадигмы: «первая социология» социальных целостностей – организмов и систем, «вторая социология» социальных «атомов» – поведения и действия. Характеристика первых двух «социологий» соотносится со структурным и культурным подходами в исследованиях неравенства соответственно, а «третья социология» – социология повседневности – претендует на то, чтобы предложить новый угол зрения, так что в фокусе внимания исследователя оказывается повседневное сосуществование и взаимодействие людей.

В социологии феномены межчеловеческого общения традиционно осмысливаются через аналитику процессов социальных взаимодействий в микросоциологических исследовательских традициях символического интеракционизма, этнометодологии, конверсационного анализа (Dennis et al. 2013). Современная социологическая теория, основываясь на этих традициях, рассматривает не обособленные социальные взаимодействия и практики, а механизмы их взаимосвязи («цепочки» взаимодействий и перформансов) (Collins 2004; Alexander 2006; Turner 2002). Этот поворот к аналитике общения не ограничивается микросоциологическими теориями в узком смысле слова: к нему могут быть отнесены, например, и институциональная этнография Дороти Смит, и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса; ранее мы обсуждали эти вопросы более подробно (Трегубова 2014; Резаев, Трегубова 2015). В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением современных

микросоциологических теорий, которые отчетливо проблематизируют неравенство в повседневных взаимодействиях.

Социальное неравенство и исключение в современных микросоциологических теориях

Из многообразия современных социологических теорий и концепций в настоящей статье нас интересуют три автора – Рэндалл Коллинз, Джонотан Тернер и Энн Ролз. Теоретические разработки этих авторов могут быть отнесены к микросоциологической традиции, развивающей концептуальные находки Ирвинга Гофмана и Гарольда Гарфинкеля.

Концепция порядка взаимодействия Энн Ролз

Э. Ролз развивает концепцию порядка взаимодействия (*interaction order*), которая основывается на следующем положении: в социальной реальности существуют два порядка – институциональный порядок, которым традиционно занимается социология, и порядок взаимодействия (Rawls 1987; Goffman 1983). Порядок взаимодействия – это социальный порядок *sui generis*, основанный на потребностях людей в поддержании социального Я (*Self*), которое происходит во взаимодействии и накладывает на взаимодействующих моральные ограничения, а презентация *Self* есть базовая, первичная «общечеловеческая» потребность, которая существует независимо от позиции индивида в социальной структуре, от распределения власти и статуса. Во время взаимодействия должен установиться «рабочий консенсус» – скрытое понимание того, что можно и нельзя делать, разделяемое собеседниками; если консенсус нарушается, происходит «коллапс» взаимодействия.

Следует ли говорить о некотором универсальном «порядке взаимодействия» или существуют разные порядки взаимодействия, которым соответствуют разные социальные Я? Э. Ролз затрагивает этот вопрос в исследовании расовых взаимоотношений, рассматривая расовое разделение как следствие различия в порядках взаимодействия, свойственных «белому» (*White*) и «черному» (*Black*) населению США (Rawls 2000). Согласно автору, специфика современного (*modern*) общества – американского в том числе – состоит в особом, «категориальном Я» (*categorical Self*), поддержание которого происходит через презентацию «категорий» (возраст, пол, социальный класс, профессия и другие). Это Я образуется на пересечении разных категорий и конституировано их особым сочетанием. Категориальному Я соответствует консенсус, в соответствии с которым во взаимодействии индивид должен демонстрировать собеседнику принадлежность к той или иной категории. Например, беседа незнакомцев начнется с подспудного взаимного выяснения социального класса собеседника, рода его занятий и других характеристик.

Данное положение характерно для «белого», но не для «черного» населения США. Последнее исторически (вследствие существования рабства

и процессов после его отмены) было изолировано в относительно замкнутые сообщества, где образовался иной тип рабочего консенсуса и иной тип социального Я – «командное Я» (*teamwork Self*). Оно поддерживается не через презентацию социальных категорий, а через совместные – командные – усилия собеседников по интерпретации текущей ситуации, в чем и заключается рабочий консенсус; при этом предполагается, что взаимодействующие по умолчанию принадлежат к одному сообществу и демонстрация «внешних» категорий является излишней. В беседе незнакомцев это могло бы проявиться в обсуждении ситуации здесь-и-сейчас: пейзажа за окном автобуса, длины очереди, погоды; а попытки выяснить социальный статус собеседника или показать свой были бы неуместны и даже оскорбительны.

Следует отметить, что различия между категориальным и командным Я и соответствующими им порядками взаимодействия относятся не к социальной структуре, а к фоновым характеристикам самого взаимодействия, определяющим, кто ты, кто твой собеседник и каковы отношения между вами. Сами по себе они не порождают социального неравенства, однако, при наложении на структурное неравенство порядок взаимодействия, который разделяется большинством и/или привилегированными группами, признается «нормальным», а альтернативный становится отклонением. При этом исключение отклоняющихся происходит на уровне повседневных взаимодействий, неосознанно, потому что те «не умеют себя вести» (Rawls, Davis 2005). В результате, целые социальные группы – этнические меньшинства, мигранты, бедные – оказываются исключенными из самой ткани социальной жизни и вынуждаются к самоизоляции в замкнутых сообществах со своими «порядками взаимодействия». Это, в свою очередь, усугубляет и воспроизводит структурное неравенство.

Теория ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза

Р. Коллинз предлагает иную версию осмысления неравенства и исключения в повседневном общении, продолжая традицию исследований ритуала как источника солидарности (Durkheim 1964; Goffman 1967). Ключевое понятие концептуального аппарата Р. Коллинза – ритуал взаимодействия (*interaction ritual*), который характеризуется автором через его условия, механизм и последствия (Collins 2004). Автор определяет следующие условия ритуала взаимодействия: 1) физическое присутствие нескольких индивидов; 2) групповая граница, отделяющая их от «чужаков»; 3) общий фокус внимания; 4) общий эмоциональный настрой (*shared mood*). При выполнении этих условий запускается микромеханизм: фокус внимания и эмоциональный настрой взаимно усиливаются, возникает «коллективное возбуждение» (*collective effervescence*) (Durkheim 1964) и ритуал можно признать успешным.

Успешный ритуал взаимодействия имеет несколько следствий. Во-первых, у его участников возникает групповая солидарность. Во-вторых, появляются символы групповой принадлежности, или сакральные объекты,

эмоционально окрашенные для участников ритуала. В-третьих, возникают стандарты групповой морали, направленные на защиту сакральных объектов. Следует заметить, что вследствие ритуала взаимодействия могут возникать и «негативные сакральные объекты», в отношении которых групповая мораль провоцирует отрицательные эмоции. Наконец, следствием ритуала взаимодействия является увеличение эмоциональной энергии в индивиду, которую Коллинз определяет как готовность вступать во взаимодействие, сопровождающееся чувством уверенности и энтузиазмом.

Чем выше эмоциональная энергия, тем легче индивиду достичь успешного ритуала взаимодействия. По мысли автора, ритуалы образуют «цепочки» (*interaction ritual chains*): люди стремятся к максимизации эмоциональной энергии, выстраивая собственные цепочки взаимодействий согласно этой максиме (Collins 1993). Как следствие, на мезоуровне цепочки ритуалов взаимодействия складываются в рынки взаимодействий (*interaction markets*) (Collins, 2004), где «валютой» выступает эмоциональная энергия. Наиболее известный пример – брачные рынки, но можно говорить о рынках профессиональных достижений или рынках дружбы. При этом, как и на любых рынках, возникает неравенство – неравенство в уровне эмоциональной энергии, которое может быть преодолено или смягчено за счет образования среди «аутсайдеров» солидарных групп, где при обсуждении разделяемого опыта производится эмоциональная энергия (Summers-Effler 2002; Трегубова 2013).

Кроме базового неравенства на уровне эмоциональной энергии Коллинз трактует неравенство в общении через понятие «ситуационная стратификация»: ситуации взаимодействия зависят от структурных и культурных «ресурсов», однако, контекст конкретного случая может «переворачивать» «объективные» отношения. Например, как показывает исследование М. Даниера и Х. Молоча (Duneier, Molotch 1999), при взаимодействии чернокожих бездомных с белыми женщинами среднего класса на городских улицах первые эмоционально доминируют, «одерживая верх» над вторыми.

Теория поведения лицом-к-лицу Джонатана Тернера

Тернер предлагает еще одну перспективу анализа эмоционального измерения неравенства, разрабатывая теорию поведения лицом-к-лицу (Turner 2002). Существование общества и выживание людей требует, чтобы люди вступали во взаимодействия. Как получается, что социальная ткань не распадается? Ответом служит эмоциональная регуляция поведения лицом-к-лицу: формирование сильных связей происходит во взаимодействии за счет сложных механизмов, пробуждающих и трансформирующих человеческие эмоции. Автор выделяет базовые эмоции (счастье, печаль, страх, гнев) и различные их сочетания; именно сложные эмоции, такие как стыд, гнев и гордость, по мысли Тернера, способствуют поддержанию социальных связей вместо разрыва, который мог бы произойти под влиянием «чистого» гнева или страха.

Тернер уделяет особое внимание связи между взаимодействием и другими уровнями социальной реальности и ключом здесь – как при воспроизводстве, так и при изменении социального порядка – является стратификация эмоций и динамика их трансформаций (Turner 2010). Автор рассматривает эмоции как один из ресурсов, который неравно распределен – точно так же, как деньги, власть, истина и так далее. Однако эмоции – особый ресурс: он производится во взаимодействиях лицом-к-лицу, при этом зависит от ожиданий и от положительных и отрицательных санкций, которые во многом определяются структурно. Эмоции способны к трансформации и к переносу: положительные эмоции «близоруки» (связываются с локальным сообществом), а отрицательные «дальнозорки» (переносятся на «далекие» властные структуры и группы чужаков). Таким образом, эмоциональная динамика, с одной стороны, способствует сохранению статуса-кво (те, у кого больше ресурсов, получают положительные эмоции, поэтому у них становится больше ресурсов), с другой стороны, постоянное накопление подавляемых эмоций способно привести к коллективным действиям.

Заключение

Представляется, что причины конфликтов между различными группами следует искать не только в противоположных интересах и отсутствии единого «публичного языка», а в радикально отличных порядках взаимодействия, практиках повседневного общения, которые требуют особого разъяснения и взаимного «перевода». Это касается проблем взаимодействия мигрантов и местного населения, горожан и представителей бюрократического аппарата, социальных работников и неблагополучных семей.

Кроме того, особый интерес представляют микромеханизмы того, как в общении людей друг с другом, в котором только и возможен разделяемый опыт, происходит формулировка общих интересов, понимание и анализ общих проблем, осознание структурного характера неравенства и исключения.

Дополнением к традиционным исследованиям социальной сплоченности и солидарности может стать анализ производства и воспроизводства положительных эмоций в повседневном общении, без которых поддержание социальных связей становится затруднительным и затратным. Представляется, что каждое из этих исследовательских направлений раскрывает нелинейную связь между общением и общественными отношениями: эмоциональные и ситуативные аспекты структурных и культурных неравенств имеют место, однако они имеют шанс быть «перевернутыми» в процессе создания солидарности среди исключаемых. Возможны две траектории: замыкание и самоизоляция сообщества и коллективное действие. Ответы на вопросы об условиях перехода от первого ко второму и о превращении отдельных коллективных действий в механизмы согласования интересов находятся в области аналитики межлического общения, которая призвана дополнить

структурный и культурный подходы к исследованию неравенства и социального исключения.

Выражения признательности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, МК-2801.2014.6 и гранта РГНФ № 13-33-01008.

Список источников

Антонова В. К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. 11 (2): 151–170.

Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко (ред.) *Социологический ежегодник 2012*. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013: 97–167.

Григорьева И. А. Проблемы социального взаимодействия в контексте социальной работы // *Личность. Культура. Общество*. 2012. XIV (2): 306–308.

Григорьева И. А. Социальная политика: основные понятия // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. 1 (1): 29–44.

Григорьева И. А., Биккулов А. С. Пожилые в мире ИКТ: Социальное включение, занятость или новые формы потребления? // *Интернет и современное общество: сборник научных статей*. Труды XVI Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2013), Санкт-Петербург, 9–11 октября 2013 г. СПб.: НИУ ИТМО, 2013: 123–128.

Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. 12 (2): 185–200.

Клеман К., Мирясова О. От обывателя к активисту: трансформация фрейма (исследование жилищного движения в Астрахани) // *Социальная реальность*. 2008. (3): 5–23.

Кузьмина Е. В. Сообщества в живом журнале – новые коммуникативные возможности для субкультурных групп и общественных инициатив // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. 9 (3): 365–390.

Навратил П. Как помогающие работники конструируют проблемы цыганских семей: вклад общих и специфических стереотипов о родительстве // *Журнал исследований социальной политики*. 2010. 8 (3): 353–372.

Резаев А. В., Лисицын П. П., Степанов А. М. Частичное сопричастие как элемент поддержания коллективного недовольства // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 12. 2014. (2): 186–195.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Социология общения и социология коммуникации: основания различения и точки роста в современной социологической теории // *Мониторинг общественного мнения*. 2015. 125 (1): 14–26.

Ренн Ж. Отношения между полами в узле расовых, возрастных и классовых отношений: гендерные исследования и дебаты во Франции в первом десятилетии XXI века // *Laboratorium*. 2011. (3): 143–162.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Пространство социальной политики // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. 10 (1): 5–6.

Рочева А. Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. 12 (3): 367–380.

Саралиева З. Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии // *Вестник ННГУ им. Лобачевского*. 2013. 3 (3): 229–234.

Симонова О. А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. 12 (4): 539–554.

Симонова О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. 11 (3): 339–354.

Трегубова Н. Д. К вопросу о возможностях социального анализа недовольства в теоретико-методологических границах социологии общения и социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 12. 2013. (4): 183–189.

Трегубова Н. Д. Проблема общения в современной социологической теории // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2014.

Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. 10 (4): 521–538.

Хархордин О. В. Прошлое и будущее русского публичного языка // Н. Вахтин, Б. Фирсов (ред.) *Синдром публичной немoty: Прошлое и настоящее российского публичного языка*. СПб., 2015 (в печати).

Шпаковская Л. Л. Социальное исключение и стратегии его преодоления на пересечении этничности, класса и гендера // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. 11 (2): 235–250.

Ярошенко С. С. *Бедность в постсоциалистической России*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.

Ярошенко С. С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // *Социологические исследования*. 2006. (7): 34–42.

Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и следствия для социальной политики // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. XVII (4): 41–61.

Alexander J. *Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy* // J. Alexander, B. Giesen, J. Mast (eds.) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006: 29–90.

Collins R. Emotional Energy as the Common Denominator of Rational Action // *Rationality and Society*. 1993. 5 (2): 203–220.

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Dennis A., Philburn R., Smith G. *Sociologies of Interaction*. Cambridge: Polity Press, 2013.

Dunier M., Molotch H. Talking City Trouble: Interactional Vandalism, Social Inequality, and the "Urban Interaction Problem" // *The American Journal of Sociology*. 1999. 104 (5): 1263–1524.

Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. London: George Allen & Unwin Ltd, 1964.

Goffman E. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Pantheon Books, 1967.

Goffman E. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1983. 48 (1): 1–17.

Rawls A. W. "Race" as an Interaction Order Phenomenon: W.E.B. Du Bois's "Double Consciousness" Thesis Revisited // *Sociological Theory*. 2000. 18 (2): 241–274.

Rawls A. W. The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory // *Sociological Theory*. 1987. 5 (2): 136–149.

Rawls A. W., Davis G. Accountably Other: Trust, Reciprocity and Exclusion in a Context of Situated Practice // *Human Studies*. 2005. 28 (4): 469–497.

Smith D. E. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: AltaMira Press. 2005.

Smith D. E. *The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology*. Milton Keynes: Open University Press, 1987.

Summers-Effler E. The Micro Potential for Social Change: Emotion, Consciousness, and Social Movement // *Sociological Theory*. 2002. 20 (1): 41–60.

Sztompka P. The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // *European Review*. 2008. 16 (1): 23–37.

Turner J. H. *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Stanford: Stanford University Press, 2002.

Turner J. H. The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations // *Sociological Inquiry*. 2010. 80 (2): 168–199.

Andrey Rezaev, Natalia Tregubova

INEQUALITY AND SOCIAL EXCLUSION IN EVERYDAY SOCIAL INTERCOURSE: THEORETICAL FRAMES AND IMPLICATIONS FOR SOCIAL POLICY

This paper focuses on notions of inequality and social exclusion conceptualized in the contemporary sociology of human interactions. In accordance with Piotr Sztompka's arguments, we regard recent sociological attention to everyday interactions and practices as a new paradigmatic shift that brings new research perspectives to the analysis of old social phenomena, including inequality and social exclusion. Three contemporary microsociological conceptual principles can be taken as the theoretical foundations for analysis of situational and emotional inequalities in the practices of everyday life social intercourse. These are the interaction order theory developed by Anne Rawls, the interaction ritual theory proposed by Randall Collins and the theory of face-to-face behavior elaborated by Jonathan Turner. These frameworks are applied to issues of social policy in Russia to analyze social movements' and social groups' dynamics, research emotional dimensions of shame, guilt and alienation among low classes, and examine failing interactions between social workers and their counterparts.

Key words: human interactions, inequality, social exclusion, microsociology, sociology of emotions, sociology of everyday life, social policy

References

- Antonova V.K. (2013) Kontsepty sotsial'noy inkluzii i eksklyuzii v global'nom obshchestve: dreyf po sotsial'nym institutam, aktoram i praktikam [Conceptions of Social Exclusion and Inclusion in a Globalised Society: Wandering through Social Institutions, Actors, and Practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 11(2): 151–170.
- Gofman A.B. (2013) Solidarnost' ili pravila, Dyurkgeym ili Khayyek? O dvukh formakh sotsial'noy integratsii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek?]. Pokrovskiy N. Ye., Yefremenko D. V. (red.) *Sotsiologicheskii yezhegodnik* [Sociological Annual], 2012. M.: INION RAN; Kafedra obshchey sotsiologii NIU VSHE: 97–167.
- Grigor'yeva I.A. (2012) Problemy sotsial'nogo vzaimodeystviya v kontekste sotsial'noy raboty [Issues of Social Interactions in a Framework of Social Work]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society.], XIV (2): 306–308.
- Grigor'yeva I.A. (2003) Sotsial'naya politika: osnovnyye ponyatiya [Social Policy: The Main Concepts]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 1 (1): 29–44.
- Grigor'yeva I.A., Bikulov A. S. (2013) Pozhilye v mire IKT: Sotsial'noye vklyucheniye, zanyatost' ili novyye formy potrebleniya? [The Aged in the ICT World. Social Inclusion, Employment or a New Form of Consumption?]. *Internet i sovremennoye obshchestvo: sbornik nauchnykh statey. Trudy XVI Vserossiyskoy ob'yedinennoy konferentsii "Internet i sovremennoye obshchestvo" (IMS-2013), Sankt-Peterburg, 9–11 oktyabrya 2013 g.*

¹ Andrey V. Rezaev – Doctor of Sciences in Social Philosophy and History of Ideas, Professor and Chairperson of Comparative Sociology at St. Petersburg State University, Russian Federation. Email: a.rezaev@spbu.ru

² Natalia D. Tregubova – Researcher, St. Petersburg State University International Research Laboratory "Transnationalism and Migration Processes: Comparative and Institutional Analysis", Russian Federation. E-mail: natalya.tr@mail.ru

- [Proceedings of the XVII All-Russian Conference "The Internet and Contemporary Society", Saint-Petersburg, October 9–11, 2013]. St. Petersburg: NIU ITMO: 123–128.
- Zhuravlev O., Savel'yeva N., Yerpyleva S. (2014) Individualizm i solidarnost' v novykh rossiyskikh grazhdanskikh dvizheniyakh [Individualism and Solidarity in the New Russian Civil Movements]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12 (2): 185–200.
- Kleman K., Miryasova O. (2008) Ot obyvatelya k aktivistu: transformatsiya freyma (issledovaniye zhlislichnogo dvizheniya v Astrakhani) [From Average Citizen to Activist: Frame Transformation (The Study of a Habitation Movement in Astrakhan)]. *Sotsial'naya real'nost'. FOM* [Social Reality. FPO], (3): 5–23.
- Kuz'mina Ye.V. (2011) Soobshchestva v zhivom zhurnale – novyye kommunikativnyye vozmozhnosti dlya subkul'turnykh grupp i obshchestvennykh initsiativ [Communities in Life Journal – New Communicative Opportunities for Subcultural Groups and Public Initiatives]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 9 (3): 365–390.
- Navratil P. (2010) Kak pomogayushchiye rabotniki konstruiruyut problemy tsyganskikh semey: vklad obshchikh i spetsificheskikh stereotipov o roditel'stve [How Support Workers Construct Problems of Gypsy Families: The Role of General and Specific Stereotypes about Parenthood]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 8 (3): 353–372.
- Rezaev A. V., Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. (2014) Chastichnoye soprichastiye kak element podderzhaniya kollektivnogo nedovol'stva [The Influence of Remote Communication on the Collective Discontent of Labor Migrants]. *Vestnik S.–Peterburgskogo universiteta, Seriya 12* [Bulletin of Saint Petersburg State University, Ser. 12], (2): 186–195.
- Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2015) Sotsiologiya obshcheniya i sotsiologiya kommunikatsii: osnovaniya razlicheniya i tochki rosta v sovremennoy sotsiologicheskoy teorii [The Sociology of Social Intercourse and Sociology of Communication: A Framework for Differentiation and Directions for the Theoretical Expansion]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 125 (1): 14–26.
- Rennes J. (2011) Otnosheniya mezhd u polami v uzle rasovykh, vozrastnykh i klassovykh otnosheniy: gendernyye issledovaniya i debaty vo Frantsii v pervom desyatiletii XXI veka [Gender Relations at the Intersection of Race, Class, and Age: Gender Studies and Debates in France in the First Decade of the Twenty-first Century]. *Laboratorium*, (3): 143–162.
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova Ye. R. (2012) Prostranstvo sotsial'noy politiki [The Space of Social Policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 10 (1): 5–6.
- Rocheva A. L. (2014) "Ponayekhali tut" v roddomakh Rossii: issledovaniye rezhima stratifikatsionnogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moske ["A Swarm of Migrants in Our Maternity Clinics!": The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12 (3): 367–380.
- Saraliyeva Z. K. H. (2013) Innovatsionnyye sotsial'nyye makro-, mezo- i mikrotekhnologii [Innovative social macro, meso and micro technologies]. *Vestnik NNGU im. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod State University], 3 (3): 229–234.
- Simonova O. A. (2014) Styd i bednost': posledstviya dlya sotsial'noy politiki [The sociology of Shame and the Research of Poverty: The Consequences for the Social Policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12 (4): 539–554.
- Simonova O. A. (2013) Emotsional'nyy trud v sovremennom obshchestve: nauchnyye diskussii i dal'neyshaya kontseptualizatsiya idey A. R. Khokhshil'd [Emotional Labor in Modern Society: Rethinking and Conceptualizing the Ideas of A. R. Hochschild]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 11 (3): 339–354.
- Tregubova N. D. (2013) K voprosu o vozmozhnostiakh sotsial'nogo analiza nedovol'stva v toretiko-metodologicheskikh granitsakh sotsiologii obshcheniya i sotsiologii emotsiy [Discontent through the Sociology of Social Intercourse] *Vestnik S.–Peterburgskogo universiteta, Seriya 12* [Bulletin of Saint Petersburg State University, Ser. 12], (4): 183–189.
- Tregubova N. D. (2014) Problema obshcheniya v sovremennoy sotsiologicheskoy teorii [The Problem of Social Intercourse in Contemporary Sociological Theory]. *Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Dissertation of Candidate of Sociological Sciences], Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, St. Petersburg.

- Walker C. (2012) Klass, gender i sub'yektivnoye blagopoluchiye na novom rossiyskom rynke truda: zhiznennyy opyt molodezhi v Ul'yansovske i Sankt-Peterburge [Class, Gender and Subjective Well-Being in the New Russian Labor Market: Youth Experience in Ulyanovsk and Saint Petersburg]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 10 (4): 521–538.
- Kharkhordin O. V. Proshloye i budushcheye russkogo publichnogo yazyka [Past and Future of Russian Public Language]. Vakhtin N., Firsov B. (red.) "*Sindrom publichnoy nemoty*": *Proshloye i nastoyashcheye rossiyskogo publichnogo yazyka* ["The Syndrome of Public Dumbness": Past and Present of Russian Public Language], St. Petersburg: forthcoming.
- Shpakovskaya L. L. (2013) Sotsial'noye isklyucheniye i strategii yego preodoleniya na pereesechenii etnichnosti, klassa i gendera [Social Exclusion and Coping with it: Strategies on the Intersection of Ethnicity, Class and Gender]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 11 (2): 235–250.
- Yaroshenko S. S. (2005) *Bednost' v postsotsialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia]. Syktyvkar: Komi NTS UrO RAN.
- Yaroshenko S. S. (2006) Chetyre sotsiologicheskikh ob'yasneniya bednosti (opyt analiza zarubezhnoy literatury) [Four Sociological Explanations of Poverty (Analysis of Foreign Literature)]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Research], (7): 34–42.
- Yarskaya-Smirnova Ye. R., Yarskaya V. N. (2014) Sotsial'naya splochnost': napravleniya teoreticheskoy diskussii i sledstviya dlya sotsial'noy politiki [Social Cohesion: Directions of Theoretical Discussion and Perspectives for Social Policy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], XVII (4): 41–61.
- Alexander J. (2006) Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Alexander, J. Giesen B., Mast J. (eds.). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*, Cambridge: Cambridge University Press: 29–90.
- Collins R. (1993) Emotional Energy as the Common Denominator of Rational Action. *Rationality and Society*, 5 (2): 203–220.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- Dennis A., Philburn R., Smith G. (2013) *Sociologies of Interaction*, Cambridge: Polity Press.
- Dunier M., Molotch H. (1999) Talking City Trouble: Interactional Vandalism, Social Inequality, and the "Urban Interaction Problem". *The American Journal of Sociology*, 104 (5): 1263–1524.
- Durkheim E. (1964) *The Elementary Forms of the Religious Life*, London: George Allen & Unwin Ltd.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*, New York: Pantheon Books.
- Goffman E. (1983) The Interaction Order. *American Sociological Review*, 48 (1): 1–17.
- Rawls A. W. (2000) "Race" as an Interaction Order Phenomenon: W.E.B. Du Bois's "Double Consciousness" Thesis Revisited. *Sociological Theory*, 18 (2): 241–274.
- Rawls A. W. (1987) The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory. *Sociological Theory*, 5 (2): 136–149.
- Rawls A. W., Davis G. (2005) Accountably Other: Trust, Reciprocity and Exclusion in a Context of Situated Practice. *Human Studies*, 28 (4): 469–497.
- Smith D. E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People*, Toronto: AltaMira Press.
- Smith D. E. (1987) *The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology*, Milton Keynes: Open University Press.
- Summers-Effler E. (2002) The Micro Potential for Social Change: Emotion, Consciousness, and Social Movement. *Sociological Theory*, 20 (1): 41–60.
- Sztompka P. (2008) The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology. *European Review*, 16 (1): 23–37.
- Turner J. H. (2002) *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*, Stanford: Stanford University Press.
- Turner J. H. (2010) The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations. *Sociological Inquiry*, 80 (2): 168–199.